

ПЕРСОНА

— Мои последние выпущенные на рынок записи годовой, то есть нет — полуторогодовой давности. Еще есть альбом, который я записал в Штатах. Он называется "Сто вопросов". Я работал над ним в американской студии, с американскими музыкантами.

— Почему решили писать альбом именно там?

— Просто появилась такая возможность. В первый раз я поехал туда, чтобы удовлетворить свое старинное желание и тщеславие поиграть рок-н-ролл с американскими музыкантами. Отчасти мне это удалось. Поэтому я решил повторить эксперимент. Но 17 августа расставило акценты немного подругому, и этот самый альбом до сих пор лежит в ящике стола.

— Ваша музыка мне всегда казалась несколько слащавой, такой милой и мягкой, для домашнего пользования. Почему вы не хотите заняться чем-то более рок-н-рольным, более жестким?

— Вообще-то я играл рок-н-ролл. У меня был длительный период поиска жанра. Потом, знаешь, зрители да и рынок сами как-то отобрали то, что им нужно. И я стал выпускать такую продукцию, которая пользовалась бы спросом. Наверное, один мой образ уже сам диктовал восприятие моей музыки. Во всяком случае, отходы от этого образа не приносили успеха.

Один раз, во время путча 19 августа, после двух стаканов вина я написал одну развеселую разбитную песню. Мне говорили, что если бы я записал в таком стиле целый альбом, то меня бы ожидал грандиозный успех. Но, как ни странно, публика на концертах никогда не просила меня спеть эту песню. Может быть, если бы такая композиция прозвучала из уст Добрынина, то она стала бы шлягером.

Примерно то же самое происходит и с моими рок-н-рольными опусами. А по поводу "слащавости" — "неслащавости"... Меня этот упрек не расстраивает. Маккартни тоже обвиняли в "слащавости".

— Куда вы пропали в последнее время?

— Я пропал?!

— Ну да. Не видно на телевидении, не слышно по радио.

— На самом деле я появляюсь на телевидении, но поскольку там весьма много разнообразных программ, то мои песни, наверное, не замечаются. Я лущу себя надеждой, что меня чуть-чуть прижимают, возможно, в силу того, что я могу дать определенный уровень профессионального мастерства. А с другой стороны, я не готов платить, да и особого желания пока нет.

— Неужели у вас, человека столь долгое время возвращающегося в отечественных эстрадных кругах, нет связей в масс-медиа, с помощью которых можно было бы потихоньку продвигать свое творчество? Не мне вам объяснять, что сейчас без этого — никуда...

— Почему же, у меня есть масса дружеских связей. Но большинство людей, с которыми я поддерживаю приятельские отношения, к сожалению, не определяют сегодня политику в средстве массовой информации. С другой стороны, я как-то сознательно не пошел "ни под кого". Сейчас мы строим капитализм. Как помнится из школьных уроков, у нас идет процесс монополизации — крупные конгломераты пожирают мелких ремесленников. Я, как мелкий ремесленник, отхожу в тень. Но при этом стараюсь выпускать достаточно раритетную продукцию и не погибаю с голоду.

— Меня всегда интересовал вопрос, на что живут артисты...

— Престарелого возраста?

— Нет. Артисты, не реализующие массовым порядком альбомы и не гастролирующие активно по стране.

— К сожалению, так сложилась не совсем удачная продюсерско-промоутерская деятельность моих импресарио, среди которых был и небезызвестный господин Иратов. На дисках я совсем не зарабатывал. Наоборот, работал в минус, поскольку надеялся, что когда-нибудь моим детям будет приятно узнать, что папа выпустил столько-то альбомов. Я решил, что надо записывать даже в ущерб себе. Что же касается моих реальных заработков, то в основном они основаны на концертной деятельности.

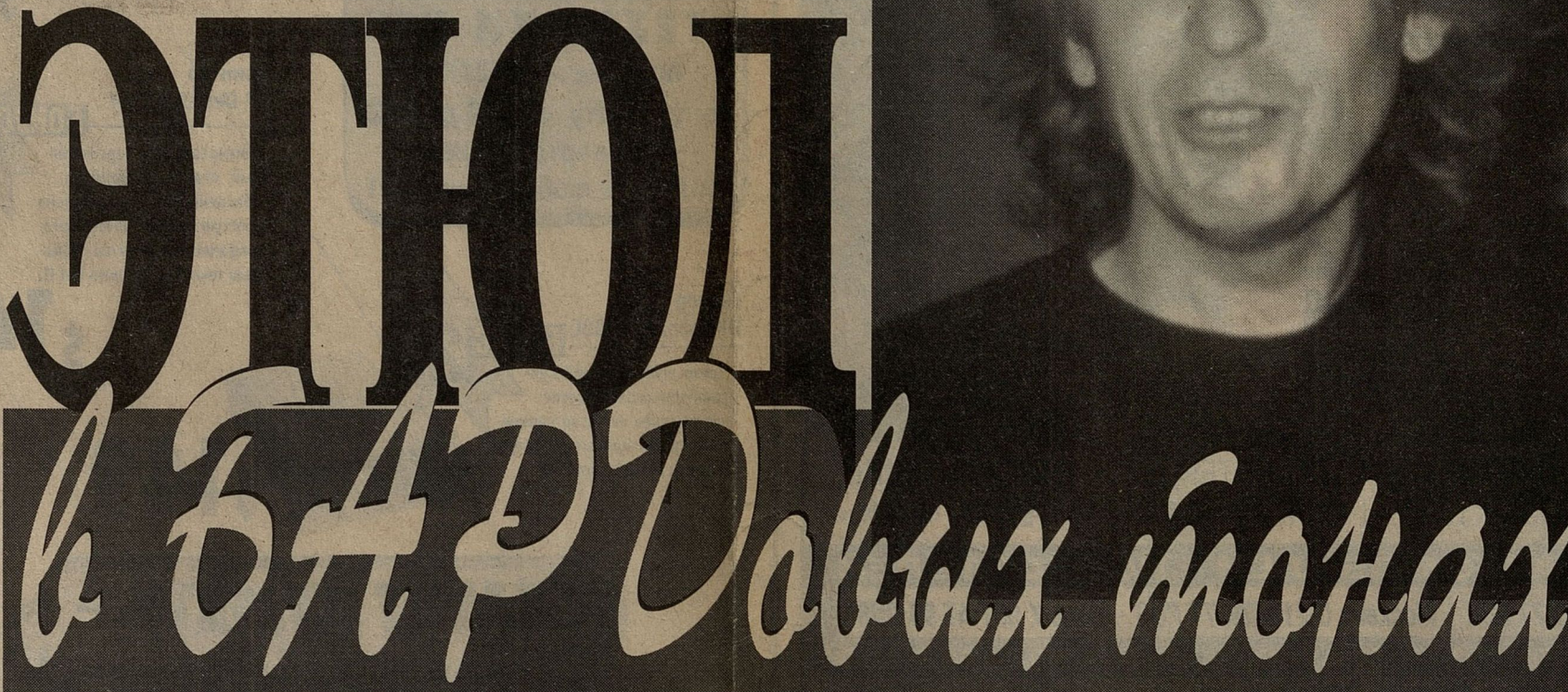
— Вам не кажется, что ваше нежелание модернизировать собственную музыку все дальше и дальше сталкивает вас на обочину?

— Здесь есть определенное заблуждение. Дело в том, что существует целая группа поклонников, которая, к сожалению, не обладает такими денежными возможностями, чтобы посещать концерты любимых исполнителей. Но тем не менее они продолжают тепло ко мне относиться. У меня было достаточно много случаев, чтобы убедиться в этом. Я не думаю, что мне стоит их предавать. А с другой стороны, я не хотел бы предавать самого себя. Я стараюсь выпускать, то, что дорого мне и что найдет определенный отклик в сердцах моих слушателей.

Выезжаем на Кутузовский проспект. Вокруг двумя рядами бесконечные потоки машин. Солнце слепит гла-

Обычно договариваться о встрече со звездами приходится неделями. С Вячеславом Малечиком все получилось совсем иначе. Мы условились пересечься на обочине одного из московских шоссе.

Серый "Опель" одиноко стоял на тротуаре. Вокруг царил бодрое оживление будничного утра. Мимо лихо проносились потоки родных и неродных машин. Я плюхнулся на переднее сиденье, Слава завел мотор, и мы растворились в бурлящем океане утренних столичных улиц. Неожиданно мой именитый водитель спросил меня, слушал ли я его последние песни. Не скажу, что начинать наше общение мне хотелось именно с этой темы. Малечик за рулем иномарки казался мне гораздо интереснее Малечика с гитарой. Но так или иначе мы заговорили о музыке.

Вячеслав МАЛЕЖИК: "Надо плыть по течению"

за. Пауза несколько затягивается. Чувствуется, что надо как-то снимать возникшую напряженность.

— Считаете себя бардом?

— Когда меня так называют, то я не обижаюсь.

— То есть называют верно?

— Если бард — это человек, поющий песни, которые он сам сочинил, то почему бы нет. А если вкладывать в это понятие несколько иной смысл, то тогда все будет выглядеть так: есть труппа с тремя вершинами — рок-н-ролл, бардовская песня и поп-музыка. И в зависимости от настроения человек тяготеет больше к одной из вершин.

— Очень занятная философия. Одна моя знакомая рассказывала, что, по словам ее мамы, с которой вы некогда работали в институте стандартизации, редкий обеденный перерыв обходился без вашего мини-концерта.

— Да, я работал во ВНИИ стандартизации после того, как закончил Московский институт железнодорожного транспорта. Потом меня пригласили в "Веселые ребята". И в отличие от инженерной деятельности музыка всегда была для меня скорее удовольствием, нежели работой.

— Получается, выбор вы сделали правильный.

— Я ни разу об этом не жалел. Самое главное, я никогда не говорил, что иду на работу. Ведь "работа" и "раб" — однокоренные слова.

Далее разговор возвращается вокруг артистической доли, божественного провидения и предначертаний свыше. Между делом заговариваем о "звездной болезни".

— Вы уже не "болеете"?

— Я переболел. Помню, когда пришел в "Веселые ребята", у меня был довольно сильный всплеск "звездной болезни". Я все разговоры переводил на "Веселых ребят". Условно говоря, зашла речь о том, что в городе Ростове обнаружили вирус холеры. Я говорю: "Да-да. Ну вот мы с "Веселыми ребятами" как-то были в Ростове..." И так далее. Но постепенно эта "болезнь" прошла.

Потом, я знаю, что есть вершины, которых я никогда не смогу достигнуть. Например, я не смогу организовать как Rolling Stones, концерт "Мосты в Вавилон", потому что... дальше многооточие. И я вообще не комплексую и не психую по этому поводу.

— Вы работаете для публики или в большей степени для себя?

— Я считаю, что имеет место обратимый процесс. Это заметно и на записях, и на концертах, когда появляется определенный трепет. Как во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, между любовником и любовницей. Если этот трепет возникает, то он моментально передается слушателям.

— А на улицах узнают?

— Естественно. Несмотря на все ваши заявления про обочину и про "слащавость", которые я не пропустил мимо ушей. В принципе доброжелательно относятся. Я чувствую это.

— Вас практически не видно среди модной артистической тусовки.

— Это очень скучно на самом деле. Когда меня приглашают работать, я считаю, что должен отработать без халтуры вне зависимости от ситуации. Даже если в зале гремит лужками. А просто тусоваться... Да, я понимаю, что это, наверное, часть работы. Что я должен появляться там с BMW,

с женами, с любовницами, в скандальном прикиде. Но это настолько скучно, что я скорее останусь с книжкой дома, чем буду приходить туда и демонстрировать, насколько я крут.

Когда у меня было 50-летие, вышел Антонов, и мы с ним пели дуэтом. Я почувствовал колоссальную энергию, которая исходила от него и от меня. Знаешь, как тесто вылезает из бочки. А на этих тусовках мне со своей энергией становится как-то неуютно. Этот дискомфорт настолько силен, что я, как правило, ретируюсь. Ну, может быть, если я голоден, съем пару кусков чегонибудь.

— Есть люди, которые ставят себе цель любой ценой добиться популярности. Из шкуры вон лезут, чтобы выйти, скажем, на зарубежный рынок, объездить с туром Россию и мир.

— Понимаешь, в чем дело. Большинство тех параметров, о которых ты сейчас говоришь, я достиг еще лет 10—12 назад. А потом я не знаю. Может быть, и надо было начинать дружить с какими-нибудь высокопоставленными друзьями, которые бы давали деньги на клипы с барабанщицами, куполами и крестами. Наверное, я выбрал для себя неправильную позицию. Я работал в охотку. Меня не стаскивали в полубоморочном состоянии с одного самолета, чтобы пересадить в другой, который летел на очередной заработок денег. У меня хватило сил отбиться от пресловутых импресарио, которым хотелось наварить бабок. Но, к сожалению, те деньги, которые я в свое время заработал — тогда мне казалось, что их хватит надолго, — были успешно сожжены в печи инфляции. И сейчас я более трезво отношусь к своему положению, особо от работы не отказываюсь и не кочеряжусь. Записывайте контактный телефон.

— Насчет контактов. Поддерживаете их, например, с вашей давней телеподругой Катей Семеновой?

— Знаете что, господин корреспондент, дело все в том, что это ошибка и заблуждение. В силу того, что нас видели несколько раз в программе "Шире круг" — самое интересное, что программ-то этих было всего шесть, — произошла удивительная вещь. Наш дуэт запал чем-то в душу зрителю и навсегда связал нас чуть ли не семейными узами.

А мы по-разгильдяйски отнеслись к тому, что про нас начали складывать сплетни. Если нынешние артисты зачастую нарочно придумывают про себя байки и пускают их в мир, то тогда они возникли абсолютно стихийно. В общем-то надо было бы кайфовать. Но опять же эта моя вечная бестолковость, и Катина в том числе. Может быть, даже в большей степени Катина, которая на всех углах, вместо того чтобы напустить туману и загадочно произнести: "Я вам не скажу", показывала своего мужа и рассказывала, какая она примерная семьянинка. Мы прохлопали момент. А отношения у нас действительно замечательные. Я считаю, что она — одна из лучших наших певиц. До сих пор. То, что она находится в тени, никак не умаляет ее исходных данных.

— Вы сказали, что привыкли работать в охотку. В предстоящей предвыборной кампании вам хочется принять участие? Если, конечно, вам предложили бы поддержать того человека, который вам симпатичен.

— Естественно, да. В принципе я уже сориентирован на сегодняшний день, от кого бы я принял это предложение.

— От кого?

— Ну, мне нравится "Отечество". Мне нравится Лужков. Потом, я лично знаком с Георгием Боосом. Я даже не буду вчитываться в программу движения. Достаточно того, что он там. Я верю человеку, и все.

— Вроде бы грядет новое тысячелетие. Не страшно переходить эту условную границу? У вас, как в большей степени человека уходящего столетия, имеются какие-то планы относительно новой эпохи?

— Жизненные силы, конечно, еще есть. Но я фаталист. Если мне повезет, то постараюсь этот шанс использовать. Если нет, то буду заслуживать счастье "трудоустройством и общественной деятельностью". Откуда я знаю, что будет дальше.

Когда-то я как примерный коммунык жил по перспективному плану. И когда неожиданно для самого себя к 38 годам я выполнил программу-максимум, которую перед собой ставил, то растерялся и не знал, что делать. Я понимал, что надо снова начать движение, а ради чего, не знал. Не было цели. Раньше я считал, что цель должна быть обязательно.

— А сейчас?

— Сейчас не считаю. Лет семь-восемь назад я сказал бы, что надо грести против течения. Теперь я говорю, что надо спокойно плыть по течению и постепенно подруливаться к берегу. И вообще, зачем искушать жизнь, искушать судьбу? Надо принимать то, что она дает. Но я вообще не собираюсь давать каких-то стопроцентных рекомендаций.

— Наверное, каждому возрасту свойственно свое отношение к жизни.

— Естественно. В каждом возрасте свои прелести. И в старости тоже. С потерей популярности жизнь не прекращается. Она полна и многогранна.

— Мы пришли к универсальной истине, что все в мире относительно.

— Во всяком случае, если мне в руки попадает песня с последним куплетом в стиле "мораль сей басни такова", я отказываюсь или от этого куплета, или от этой песни.

— Вы — оптимист в ваших песнях. Хорошо быть оптимистом?

— В общем, да. Несмотря на то что я достаточно часто получаю оплеухи, мне гораздо приятнее жить с открытым забралом. Приятнее верить, что жизнь добрая и милая штука. И не ждать, что кто-то влезет ко мне в душу и натопчет там ногами. Но это опять же мое личное восприятие. Хотя в то же время Библия к этому тоже призывает, так что, наверное, это не только мой опыт.

Наш разговор закончился в тихом и уютном столичном дворике, куда Малечик заехал свое авто. Едва я выключил диктофон, как Слава поставил кассету со своими песнями. Я слушал и смотрел в лобовое стекло на окружающий пейзаж. Здесь совсем не ощущалось, что шумная и пропахшая парами бензина магистраль находится всего лишь в нескольких метрах. Рядом по дорожкам неспешно прогуливались бабушки с палочками. Где-то в небесах изо всех сил надрывалась какая-то особая голосистая птица. Наверное, Славини песни должны звучать именно в таком месте — на разбитом тротуаре, где стареющий клен роняет на землю свои пожелтевшие листья.

В конце концов каждый из нас выбирает тот путь, который ему ближе.

Дмитрий ГУСЕВ